

ТИХООКЕАНСКАЯ АЗИЯ

Страны Тихоокеанской Азии в 2019 году будут играть важную роль в разворачивающихся процессах изменения глобального политического и делового климата, оставаясь одним из самых сложных узлов напряжённости в сфере международной безопасности и трансформации мирового экономического порядка.

Наибольшее влияние на развитие ситуации в АТР окажут события в *Китае* и непосредственно связанные с ним. При этом главным фактором, определяющим направления и интенсивность новых процессов в экономике и политике КНР в 2019 году, будут последствия начавшейся в 2018 году торговой войны с США.

В экономике неожиданный внешний вызов поставил под угрозу благополучие китайских производителей экспортной продукции. Он также выявил уязвимость высокотехнологичных отраслей китайской экономики из-за их высокой зависимости от поставки иностранных комплектующих. Наглядным примером стало применение американских санкций против китайской телекоммуникационной компании ZTE. Введенные Трампом торговые барьеры грозят снизить темпы роста экономики КНР, а дальнейшее ограничение доступа китайских компаний к иностранным технологиям и рост напряженности в отношениях с США приведут к повышению роли государственного сектора в Китае в тех сферах, где потребуются увеличение самодостаточности и самообеспеченности экономики.

На этой почве были реанимированы старые лозунги «опоры на собственные силы» в экономическом развитии и усиления роли государства, вплоть до отказа от поддержки негосударственного сектора экономики и даже его национализации. В обществе появились ожидания «наступления государства и отступления частного», порождающие в деловых кругах неуверенность и чреватые паническими настроениями в случае внезапных экономических неурядиц. Чтобы снизить нежелательный эффект, руководство страны было вынуждено публично заверить в неизменности политики поддержки негосударственной экономики. Можно также ожидать принятия конкретных мер по уменьшению налоговой нагрузки на частный бизнес и облегчению его доступа к кредитным ресурсам. В Китае уже не один год говорят о необходимости уменьшения бюрократических барьеров в экономике, однако нынешняя ситуация требует более активных действий в этой области.

Ключевыми политическими вопросами будут реформа системы государственного управления и государственных предприятий. Антикоррупционная кампания продолжится, однако она не будет занимать былого доминирующего положения в информационном пространстве. На первое место выходят вопросы эффективности государственной власти и ее способности поддерживать экономическое развитие и стабильность в обществе на фоне внешних вызовов.

В сфере идеологии с обострением противостояния между Вашингтоном и Пекином центральный внешнеполитический лозунг строительства «сообщества судьбы человечества»

теряет актуальность. Восприятие Америки и Запада в целом будет адаптироваться к осознанию того, что глобализация и экономическая взаимозависимость не исключают новой холодной войны как в региональном, так и в глобальном масштабе.

Параллельно идет ослабление пропаганды «дипломатии стремления к достижениям» на фоне частичного возвращения к завещанному Дэн Сяопином «сокрытию возможностей». Заметнее становится тезис о том, что Китай, превратившийся во вторую экономику мира, по-прежнему остается развивающейся страной, от которой нельзя требовать соответствия стандартам развитых государств Запада. Меньше подчеркиваются китайские успехи в области инновационных разработок, исчезают утверждения об уже состоявшемся выходе КНР в число мировых научно-технологических лидеров. Вместе с тем смена акцентов в информационном пространстве не означает изменения политических приоритетов – об отказе от планов обретения лидерства речь не идет.

В трактовке внутренней ситуации ослабевает чрезмерный оптимизм по поводу перехода страны к «эпохе усиления», о которой было объявлено в 2017 году на XIX съезде КПК. Больше говорится о нынешних и возможных будущих трудностях, признаётся возможность негативного влияния торговой войны на экономическую стабильность, на фондовый и валютный рынок, рынок недвижимости. Власти убеждают население, что причины трудностей и угрозы стабильности находятся за пределами страны, а для их преодоления необходимо сплотиться вокруг партийно-государственного руководства.

Фактором консолидации общества призвано стать празднование в октябре 2019 года 70-летия образования КНР. При подготовке к юбилею будет набирать обороты начатая нынешним руководством кампания по укреплению «четырёх уверенностей» – в пути, теории, строе и культуре социализма с китайской спецификой. При этом Пекин обещает, что не свернет с пути расширения открытости внешнему миру и экономических реформ.

Что касается первопричины проблем – усиления торгового и политического противостояния Китая и США, Пекин будет продолжать добиваться прагматичной сделки с Трампом на основе учета интересов обеих сторон. Оптимистичные оценки такой опции в 2019 г. основаны на том, что Трампу необходимо заключить соглашение с Китаем до президентских выборов 2020 года, и Белый дом будет готов пойти на уступки и взаимовыгодные договоренности.

Если, однако, Пекин придет к выводу, что Вашингтон будет продолжать «игру с нулевой суммой», диалог будет сведен к минимуму, и Китай сосредоточится на пропагандистской кампании, призванной доказать, что не следует пытаться «сделать Америку великой» за счет Китая, поскольку две страны способны к взаимному выигрышу в сотрудничестве.

Проблема Тайваня в 2019 году уйдет на второй план. Очевидная неудача на последних местных выборах Демократической прогрессивной партии (ДПП), выступающей в пользу суверенизации острова, снижает риск опасных экспериментов с провозглашением в той или иной форме независимости Тайваня. Одновременно уменьшились возможности США использовать «тайваньскую карту» как инструмент давления на Пекин.

По степени вероятности возникновения вооруженного конфликта на первое место выходит Южно-Китайское море. Угроза столкновения связана с проведением США «операций по свободе мореплавания», призванных продемонстрировать непризнание суверенитета КНР над находящимися под китайским контролем рифами и островами. Показательный проход американских военных кораблей на расстоянии менее 12 миль от них провоцирует Китай на встречную реакцию. Если напряженность между Вашингтоном и Пекином будет расти, то вероятность столкновения военных кораблей при сопровождении или попытке вытеснения будет увеличиваться.

Торговая война будет снижать интерес Китая к оказанию поддержки США в решении северокорейской ядерной проблемы. Поскольку сложившийся дисбаланс в торговле в пользу Китая не дает возможности ввести пошлины на американский экспорт аналогичной стоимости, вероятны попытки поиска рычагов воздействия на США за пределами торгово-экономической сферы.

Помимо поиска компромисса с США для ослабления торговых трений, внимание КНР во внешнеэкономической сфере будет сосредоточено на реализации инициативы «Один пояс, один путь» как одного из главных механизмов китайской экономической экспансии, а также на диверсификации экспортных рынков. С этой целью, помимо ОПОП, идут поиски новых возможностей в ЕС, России, странах Африки и Латинской Америки, активизируются переговоры о заключении новых соглашений о свободной торговле, в т.ч. с политическими союзниками США – Сингапуром, Японией и Южной Кореей.

Вместе с тем Китай столкнется с растущим сопротивлением своей внешнеэкономической политике из-за опасений возможного получения китайскими компаниями контроля над стратегически важной национальной инфраструктурой стран, где реализуются китайские проекты, параллельного расширения в них китайского военного присутствия, а также из-за неоднозначности проектов «Одного пояса, одного пути» в связи с их коммерческой неэффективностью, несовпадением с национальными промышленно-экономическими стратегиями стран-реципиентов и их опасениями чрезмерной зависимости от китайских технологий и финансирования. Эти факторы, скорее всего, будут способствовать изменению основных механизмов сотрудничества в рамках «ОПОП».

Торгово-экономические трения с США будут подталкивать Китай к более тесному экономическому, политическому и военному сотрудничеству с Россией. Вместе с тем реальные действия на этом направлении будут достаточно осторожными из-за опасений т.н. вторичных американских санкций в отношении хозяйствующих субъектов, сотрудничающих с находящимися под санкциями российскими компаниями и физическими лицами.

Политическая жизнь **Японии** в 2019 году будет отмечена некоторыми знаковыми событиями, являющимися продолжением процессов, разворачивавшихся в этой стране в последние годы. Прежде всего, ожидается переход правительства к конкретным действиям по подготовке пересмотра некоторых положений конституции страны, в частности, механизма внесения изменений в избирательную систему (конфигурацию избирательных округов), полномочий органов власти при возникновении чрезвычайных ситуаций и содержания девятой статьи,

накладывающей ограничения на создание и использование Японией собственных вооруженных сил.

Действующий премьер-министр страны и лидер правящей Либерально-демократической партии (ЛДП) Синдзо Абэ, получивший в сентябре 2018 г. право и возможность провести на этих постах третий (и последний) трехлетний срок, не раз заявлял о намерении начать процесс изменения конституции до завершения своего пребывания у власти. Это подразумевает принятие первых заметных шагов уже в 2019 г., поскольку, согласно принятым в Японии политическим практикам, изменение конституции требует предварительной дискуссии с участием всех политических сил. Только после этого возможно вынесение вопроса на голосование в парламенте (за внесение поправок в основной закон должно проголосовать не менее двух третей депутатов обеих палат парламента) и проведение общенационального референдума. Первым действием должно стать внесение лидером правящей партии на обсуждение конкретных предложений по будущим формулировкам, прежде всего новой редакции девятой статьи.

Левая оппозиция, выступающая против пересмотра конституции, будет всячески тормозить процесс обсуждения поправок. Сдержанную позицию по этому вопросу занимает и партнер ЛДП по правящей коалиции – партия «Комэйто». В самой правящей партии также нет полного единства мнений по этому вопросу: хотя за последний год С. Абэ удалось укрепить свои позиции в партийном аппарате, его позиции как внутри партии, так и в мейнстримной части японского политического класса не достаточно сильны, чтобы обеспечить его предложениям безоговорочную поддержку. Предстоящие в 2019 году региональные выборы и выборы в верхнюю палату парламента будут побуждать претендентов на депутатские места от правящей партии дистанцироваться от поддержки тех предложений С. Абэ, которые могут вызвать неоднозначную реакцию в обществе. В первую очередь это относится к его желанию расширить возможности участия японских военнослужащих в операциях за пределами Японии, что явно или неявно увязывается в сознании избирателей с предлагаемыми изменениями в конституции страны. В политической среде есть опасения, что продвигаемая премьером концепция «нормализации» вооруженных сил страны может привести к ее вовлечению в вооруженные конфликты в далеких от Японии и интересов ее безопасности регионах.

В этих условиях велика вероятность того, что предложения по изменению девятой статьи ограничатся внесением в нее положения о существующих «Силах самообороны». Это, по мнению руководства правящей партии, лишит основания тезис об их неконституционности, популярный среди пацифистски настроенной части японской общественности.

Многое будет зависеть от итогов летних выборов в верхнюю палату парламента, на которых будет переизбираться половина ее состава. В случае потери на выборах 30 или более мест коалиция ЛДП–«Комэйто» может лишиться имеющегося у нее большинства в верхней палате, что осложнит процесс внесения поправок в конституцию. Однако такой исход маловероятен, прежде всего ввиду слабости и низкой популярности у населения оппозиционных партий даже с учетом возросшей вероятности координации между ними в процессе выдвижения кандидатов и ведения предвыборной кампании.

Внешняя политика Японии в 2019 году будет определяться дипломатической активностью Синдзо Абэ на региональном и глобальном направлениях. В отношениях Японии и США важным событием станут торговые переговоры, начало которых намечено на январь 2019 г. Очевидно, что администрация Трампа будет добиваться снижения барьеров для доступа на японские рынки американской продукции, прежде всего автомобильной и сельскохозяйственной и сокращения отрицательного для США торгового сальдо с Японией. В Японии очень озабочены угрозами Д. Трампа ввести новые тарифы на импорт японских автомобилей, которые выглядят вполне реальными на фоне включения Японии в число стран, к продукции которых США в 2018 г. применили повышенные ввозные пошлины на сталь и алюминий. Чтобы не допустить ухудшения условий работы своих компаний в США, правительство Абэ, вероятно, пойдет на определенные уступки, в том числе на увеличение закупок американских вооружений и военной техники, крупные программы которых уже объявлены японским министерством обороны. Речь, в частности, идет о приобретении систем ПРО наземного базирования, ракет-перехватчиков баллистических ракет SM-3, истребителей F35-A, самолетов дальнего радиолокационного обнаружения и др.⁷⁷

В отношениях Японии и Китая можно ожидать улучшения политического климата после визита премьер-министра Абэ в Пекин в октябре 2018 г. и саммита с председателем КНР Си Цзиньпином. В результате встречи страны договорились возобновить переговоры о совместной разработке ресурсов в Восточно-Китайском море, а также расширить обмены между военными ведомствами двух стран и запустить механизм предотвращения опасных инцидентов на море и в воздухе. Вместе с тем значительные изменения в общей стратегии Токио, направленной на балансирование и сдерживание действий Пекина, в ближайшие время маловероятны. Япония продолжит наращивать свои военные возможности на находящихся в зонах риска участках японского архипелага (острова на юго-востоке страны) и укреплять политические и военные связи с Вьетнамом и Филиппинами, вовлеченными в споры с Китаем из-за территорий и акваторий в Южно-Китайском море, а также с Индонезией. Кроме того, Япония сохранит интерес к формату четырехстороннего диалога по вопросам безопасности с участием США, Японии, Индии и Австралии.

Определенное смягчение официальной позиции Токио в территориальном споре с Россией стало основанием для его попытки форсировать политические контакты с Москвой с целью заключения в 2019 году мирного договора. Однако позиции сторон по крайне чувствительному для них вопросу о статусе спорных островов по-прежнему чрезвычайно далеки друг от друга, а внешние условия скорее увеличивают, нежели сокращают различия в видении проблемы с российской и японской сторон. В ближайший год это будет крупным источником негатива в двусторонних отношениях, что потребует от японского премьера большого политического искусства, чтобы сохранить нейтрально-благожелательный настрой России по отношению к японской активности на других приоритетных для Японии дипломатических направлениях. Более масштабному развитию экономических связей с Россией препятствуют также их низкая приоритетность для крупнейших японских корпораций с глобальными интересами и опасность применения к ним санкций, принятых в США в отношении ряда российских юридических и физических лиц.

⁷⁷ Defense Related Budget Request for FY2019. Japan Ministry of Defense. 09.2018. URL: http://www.mod.go.jp/e/d_budget/pdf/300914.pdf (дата обращения: 23.11.2018).

Для *Республики Корея* 2019 г. будет весьма сложным и нестабильным как в экономическом, так и в политическом отношении. Экономическому курсу администрации Мун Чжэ Ина предстоят серьезные испытания. В этой сфере правительство уже реализовало большую часть мер: увеличение налогов на корпорации; давление на крупный бизнес, обвиняемый в противодействии конкуренции и применении коррупционных схем; создание новых рабочих мест в бюджетной сфере; побуждение предпринимателей к повышению заработной платы сотрудникам с целью активизации внутреннего спроса, призванного сыграть роль главного драйвера экономического роста.

Последствия принятых решений оказались весьма неоднозначны. Президент Мун Чжэ Ин может рассчитывать на поддержку своего экономического курса со стороны молодежи, которая испытывает трудности с занятостью (особенно молодые люди с высшим образованием) и одобряет меры по увеличению числа рабочих мест. Также позитивно принимают принятые решения и «бюджетники». Вместе с тем реальные результаты едва ли будут впечатляющими в плане стимулирования экономического роста. При этом на протяжении десяти последних лет рост заработной платы в Южной Корее опережает рост производительности труда.

Также экономической стабильности угрожает рост кредитной задолженности населения. Правительство и Банк Кореи не смогли предложить решения проблемы роста задолженности домохозяйств, совокупные обязательства которых перед кредиторами в 2019 г. превысят 1,3 трлн. долл. В прогнозируемый период также трудно ожидать значительного роста капиталовложений. Отражением пессимизма инвесторов являются низкие темпы технологического перевооружения промышленности, прежде всего высокотехнологичных отраслей, и стагнация импорта, рост которого составит 1-2%. Соответственно, трудно ожидать появления новых рабочих мест, в том числе с высоким уровнем квалификации. Вялый внутренний спрос определяют стагнацию строительной отрасли. В результате, скорее, можно ожидать замедления экономического развития страны: по оптимистическим оценкам, прирост ВВП в Республике Корея в 2019 г. составит порядка 2,6%. В случае обострения американо-китайских экономических противоречий они могут снизиться и до 2,0–2,3%. Замедление роста экономики КНР и открытие китайского рынка для американских товаров затруднят деятельность в Китае корейских компаний, уменьшат её экспортные возможности, прежде всего продукции машиностроения.

Однолинейная стратегия администрации Мун Чжэ Ина, не желающего корректировать популистский курс на массированные бюджетные вливания в экономику, будет вызывать растущую критику не только политической оппозиции, но и делового сообщества, прежде всего крупнейших конгломератов, обеспокоенных тенденцией расширения государственного участия в экономике.

В рамках курса на развитие межкорейских отношений Мун Чжэ Ин будет стремиться к реализации экономических проектов в Северной Корее. Расчет правящей администрации состоит в том, что начало реализации конкретных программ сотрудничества с КНДР положит начало долгосрочному процессу «втягивания» Северной Кореи в интеграцию с Югом и тем самым снизит угрозу возвращения к конфронтации, укрепит авторитет Мун Чжэ Ина в стране и за рубежом и активизирует инвестиционные процессы.

В связи с этим следует ожидать попыток южнокорейского руководства приступить на практике к реализации выдвинутой в 2018 г. Мун Чжэ Ином инициативы «Новой экономической карты» (New Economic Map). Уже в 2019 г. Сеул намерен приступить к подготовке технико-экономического обоснования модернизации системы железных дорог КНДР и соединения их с транспортной инфраструктурой Южной Кореи. Все это предполагается увязать с созданием в СВА железнодорожного союза двух корейских государств, России, Китая, Японии, Монголии, а также США.

Этот проект рассматривается в Сеуле как пролог к системному сотрудничеству с КНДР в создании «трех экономических поясов». Восточный пояс будет идти по побережью Японского моря от границы с Россией. Западный – по побережью Желтого моря от границы с Китаем до демилитаризованной зоны. Третий пояс предполагается сформировать вдоль демилитаризованной зоны, превратив ее в ареал реализации экологических программ, создания центров подготовки кадров, освоения новых технологий использования водных и лесных ресурсов, а также туризма. Выполнение этих планов Сеул увязывает с участием зарубежных партнеров, в первую очередь, Китая и России, а также США, Японии и ЕС.

В то же время, по мнению руководства страны, 2019 год должен быть ознаменован активизацией взаимодействия со странами Юго-Восточной Азии (ЮВА). Республика Корея намерена провести переговоры о соглашении о свободной торговле с Малайзией и Индонезией. Кроме того, Сеул исходит из возможности подписания в течение года договора о Региональном всеобъемлющем экономическом партнерстве, а также рассчитывает на углубление взаимодействия в рамках соглашения о свободной торговле с АСЕАН. Упрочение правовой базы должно расширить возможности торгово-экономической кооперации южнокорейских компаний с партнерами из стран ЮВА.

Однако перспективы экономической стратегии администрации Мун Чжэ Ина в решающей степени зависят от того, будет ли заключено международное соглашение о ядерном разоружении КНДР. Именно в расчете на эту договоренность президент Мун Чжэ Ин выдвинул концепцию формирования «нового порядка» на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии, приступить к активной реализации которой южнокорейская администрация намерена в 2019 г.

Тем временем курс Мун Чжэ Ина встречает неоднозначную реакцию со стороны США. Продвижение межкорейского экономического сотрудничества без заключения фундаментальной ядерной сделки может привести уже в 2019 г. к напряжению в американо-южнокорейских отношениях. На это может наложиться разочарование в южнокорейском обществе, если оно посчитает, что развитие отношений между Югом и Севером не сопровождается ядерным разоружением последнего и идет на пользу исключительно Пхеньяну.

В этих условиях, несмотря на все усилия властных структур, в южнокорейском обществе углубится раскол по ключевым вопросам внутренней и внешней политики, прежде всего перспективам межкорейских отношений. Возрастет вероятность того, что выдвинутые Мун Чжэ Ином инициативы останутся незавершенными, а импульс экономическому развитию – нереализованным. В результате, срыв переговоров по ядерному разоружению КНДР в 2019 г

может стать причиной негативного сценария политических и экономических процессов в Республике Корея.

Что же касается самих переговоров о ядерном разоружении Северной Кореи, то своеобразным «моментом истины» должен стать заявленный на 2019 год очередной американо-северокорейский саммит, а также визит в КНДР главы КНР Си Цзиньпина.

Стержнем корейской проблемы, видимо, долгое время будет оставаться тотальное непонимание между КНДР и США, помноженное на крайне негативное отношение к Пхеньяну со стороны американского истеблишмента. Взаимные упреки сводятся к тому, что каждая сторона считает, что выполнила договоренности и ждет от партнера дальнейших шагов по согласованным направлениям. Диалог поддерживается благодаря сохранению к нему интереса со стороны Д. Трампа, но в перспективе его может оказаться недостаточно в ситуации, когда взаимные запросы и ожидания сторон практически несовместимы, а возможность достижения компромиссных решений не просматривается.

Наиболее вероятный сценарий - постепенное нарастание раздражения и недовольства с обеих сторон, результатом чего может стать обострение ситуации, вплоть до возобновления конфронтации со всей прежней атрибутикой: снятие моратория на ракетно-ядерные пуски, проведение масштабных американо-южнокорейских учений, резкая политическая полемика, рассмотрение США военных опций решения накопившихся проблем. При этом особая жесткость противостояния будет определяться тем, что каждая из сторон будет чувствовать себя обманутой в своих ожиданиях.

В *Индии*, как ожидается, правящая Индийская народная партия («Бхаратия джаната парти») сохранит большинство в парламенте, хотя ей и не удастся повторить в ходе предстоящих в мае выборов масштабный успех 2014 года. Против нее играет как экономическая ситуация, в частности, растущие проблемы с обеспечением занятости, так и решимость оппозиции выступить на этих выборах максимально скоординированно. Тем не менее, оппозиции вряд ли удастся успешно противостоять использованию правящей командой административного и пропагандистского ресурса, в том числе раздаче обещаний помощи отдельным политически значимым сегментам населения и умелой игре на националистических настроениях. Что касается реформ с целью повышения производительности и более гибкое использование трудовых ресурсов, то их осуществление, скорее всего, будет отложено до 2020 г.

Во внешней политике правящий кабинет будет продолжать тонкое балансирование между всеми региональными центрами силы, подавая им позитивные сигналы, но откладывая реальные действия, призванные удовлетворить их интересы и пожелания. В отношениях с Китаем, в частности, Дели будет подчеркивать свою приверженность идеалам открытой экономики и готовность шире открыть двери для китайских товаров и компаний. В то же время он будет оттягивать принятие на себя дополнительных обязательств как в рамках будущего Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП), так и на двусторонней основе, в том числе в связи с реализацией китайской инициативы «ОПОП».

В отношениях с США нынешний глава правительства пытается выдвинуть на первый план общую озабоченность военным строительством в КНР, чтобы заручиться американским содействием в реализации Индией собственной программы перевооружения. Вместе с тем

наличие альтернативного поставщика вооружений в лице России позволяет Дели не поддаваться американским требованиям снижения барьеров для доступа на индийский рынок гражданской продукции из США, в первую очередь молочной продукции и медицинской техники. Последнее особенно важно для правящей администрации, учитывая ее настойчивый курс на сохранение высокой степени защиты индийских производителей от иностранной конкуренции на внутренних рынках.

Одновременно Индия пытается наладить военно-технические связи с Японией, подыгрывая ее страхам возможной конфронтации с Китаем из-за односторонних шагов последнего в акваториях Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей. Пассивная поддержка японского стремления к более активному военному участию за пределами ее территории (как части ее общего курса на историческую реабилитацию Японии как полноценной державы с региональными и глобальными интересами) обеспечивает Индии спокойное международное отношение к ее собственным программам усиления военного присутствия в Индийском океане.

Что касается застарелых территориальных конфликтов Индии с Китаем и Пакистаном, то Дели с высокой степенью вероятности будет воздерживаться от шагов, способных спровоцировать острую реакцию со стороны этих государств. Более того, после выборов можно ожидать возобновления конструктивных контактов с Пакистаном, учитывая, что сегодня обе страны заинтересованы в сохранении напряженности между ними в регулируемых формах, исключающих ее перерастание в вооруженный конфликт.

Развитие в 2019 году *государств ЮВА*, образующих Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии (*АСЕАН*), будет стабильным и предсказуемым. Во внутренней политике этих государств серьезные потрясения маловероятны. Эволюция же АСЕАН как многосторонней диалоговой площадки будет определяться следующими моментами.

Во-первых, Ассоциация будет поддерживать баланс между экономическими выгодами от участия в реализации китайской инициативы «ОПОП» и уступками по политическим вопросам, прежде всего по проблеме Южно-Китайского моря. Предметом особой обеспокоенности АСЕАН будет судьба военного сотрудничества с Китаем в Южно-Китайском море. КНР стремится использовать его для фактической легитимации там своего присутствия: для создания искусственных островов и формирования нужного ей контекста переговоров с АСЕАН по замене Декларации поведения сторон в Южно-Китайском море соответствующим Кодексом поведения.

Во-вторых, в фокусе внимания Ассоциации будет эволюция концепции Индо-Тихоокеанского региона. Основные усилия АСЕАН будут нацелены на определение точек соприкосновения этого проекта с собственными планами и наращивание взаимосвязей на индо-тихоокеанском пространстве.

В-третьих, АСЕАН будет прилагать усилия, чтобы привести проекты экономического регионализма в ЮВА в соответствие с реалиями наступающей новой промышленной революции. Это, в частности, пересмотр стандартов и механизмов регулирования торговых и инвестиционных обменов, миграции рабочей силы, налогообложения и социальной защиты работников в условиях виртуализации товаров и услуг и роста числа самозанятых.

Одновременно Ассоциация продолжит предпринимать шаги по формированию Сообщества АСЕАН, прежде всего его экономической составляющей. Эти усилия будут сконцентрированы на создании институтов и механизмов привлечения компаний стран-партнеров на рынки ЮВА. В числе вероятных мер – формирование структур, предоставляющих компаниям и реализуемым ими проектам информационную и консультационную поддержку, поощрение мер по сокращению инфраструктурных разрывов в государствах ЮВА и поддержка развития инноваций.

Основной угрозой международной безопасности, с которой столкнется АСЕАН, останутся противоречия в акватории Южно-Китайского моря. Они будут продолжать «расшатывать» центральную роль АСЕАН в таких форматах многостороннего сотрудничества, как Региональный Форум АСЕАН, Совещание министров обороны АСЕАН+8 и Восточноазиатский саммит.

Еще одной важной проблемой для Ассоциации будет оставаться проблема международного терроризма. По мере исхода боевиков ИГИЛ (запрещено в РФ) из Ближнего Востока и их инфильтрации в другие регионы, в том числе в ЮВА, Ассоциация будет усиливать антитеррористическое направление своей деятельности.

В отношениях с партнерами по диалогу АСЕАН будет нацелена на поиск консолидирующей повестки сотрудничества. Взаимодействуя с Китаем, Ассоциация сконцентрируется на решении задач, зафиксированных в Плане действий по внедрению в практику Совместной декларации о стратегическом партнерстве между Китаем и АСЕАН на 2016-2020 годы, а также в Перспективах стратегического партнерства между Китаем и АСЕАН до 2030 года. Однако в 2019 году им едва ли удастся приблизиться к запланированному объему взаимной торговли до 2020 года – 1 триллиону долларов.

В диалоге АСЕАН – США стороны будут разрабатывать направления, связанные с противодействием нетрадиционным угрозам безопасности, главным образом международному терроризму и киберпреступности. Экономическое сотрудничество, скорее всего, не выйдет за рамки нынешних форматов Договора о либерализации торговли и инвестиций между АСЕАН и США (*ASEAN-US Trade and Investment Framework Arrangement*) и Рабочего плана Инициативы по расширенному экономическому взаимодействию (*Expanded Economic Arrangement Initiative Work Plan*).

В диалоге с Японией АСЕАН будет фокусироваться на совместном противодействии нетрадиционным угрозам безопасности на основе Рабочей программы сотрудничества по борьбе с терроризмом и транснациональной преступностью между АСЕАН и Японией на 2018-2022 гг. В отношениях с Республикой Корея АСЕАН делает акцент на содействие устойчивому росту, сокращение бедности, развитие «зеленой энергетики» и ИКТ.

Сотрудничество АСЕАН с Индией будет концентрироваться на строительстве объектов инфраструктуры. Можно ожидать перехода в завершающую фазу строительства автомагистрали Индия–Мьянма–Таиланд, а также ее полного завершения и последующего расширения на Камбоджу, Лаос и Вьетнам. Другим направлением сотрудничества сторон станут мероприятия по укреплению кибербезопасности и развитию информационно-коммуникационных технологий.

В отношениях с Россией АСЕАН будет стремиться наполнить содержанием их новый статус - на саммите в Сингапуре в ноябре 2018 г. они были выведены на уровень стратегического партнерства. Акцент будет сделан на сотрудничестве в сфере безопасности и развитии информационных и коммуникационных технологий. Будет прорабатываться вопрос о развитии сотрудничества между АСЕАН и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). Торгово-экономические обмены между АСЕАН и Россией, равно АСЕАН и ЕАЭС, будут иметь тенденцию к росту и диверсификации.

Тенденции *регионального взаимодействия в АТР* в 2019 г. сохранят инерцию двух последних лет. Внешнеэкономическая стратегия стран региона сохранит многоуровневый характер. При этом приоритетом останется развитие отношений в двустороннем формате, а переговоры и проекты, имеющие субрегиональный и региональный характер, займут, соответственно, второе и третье места. Экономические лидеры АТР в лице США и Китая пока не готовы реализовывать свои стратегические цели в рамках многосторонних региональных проектов и инициатив.

Повышенную динамику двусторонним связям будет задавать администрация Трампа, которая в 2019 г. продолжит выстраивать новую парадигму экономических отношений с тихоокеанскими партнерами. Вместе с тем в течение одного года США явно не удастся отладить новые параметры двусторонних торговых, инвестиционных, финансовых и инновационных связей с партнерами, тем более в форме, которая могла бы быть спроецирована на уровень региона в целом.

Китай будет стремиться креативно наращивать свое влияние на региональные процессы путем экспансии китайского бизнеса с внесением в него ряда корректив. К их числу, в частности, относится либерализация доступа на внутренний рынок товаров и услуг, производимых ведущими партнерами, а также продукции, выпускаемой развивающимися странами. Такая политика согласуется с задачей перестройки внутренней структуры экономики КНР, расширения кооперации китайских компаний с производителями высокотехнологичных изделий. Кроме того, Китай позиционирует себя как страна, учитывающая нужды государств, находящихся на периферии мировой экономики.

Между тем в сложившихся условиях США и Китай в 2019 г. не будут иметь возможность в полной мере взять на себя роль регионального лидера, задающего параметры международного сотрудничества и в решающей степени формирующего вектор экономического развития в АТР. Это обстоятельство создает предпосылки для появления альтернативных региональных проектов.

Япония продолжит формирование стратегических альянсов, которые тем или иным образом уравновешивали бы расширение экономического и политического присутствия Китая в регионе. Это, в частности, продвигаемая Токио концепция Индо-Пацифики, подразумевающая широкое политическое, экономическое, и гуманитарное вовлечение Дели в разворачивающиеся в АТР процессы, а также акцент на развитие двустороннего сотрудничества со странами ЮВА. В свою очередь, Индия сохранит приверженность заявленной при администрации Н. Модии стратегии «Действовать на Востоке» (Act East).

Японская инициатива пользуется поддержкой администрации Д. Трампа, выступающего за сотрудничество с Индией и координацию политики с Австралией, Новой Зеландией и Южной Кореей. Однако в отличие от США, Япония не стремится придавать концепции Индо-Пацифики антикитайский характер. Напротив, после японо-китайских переговоров на высшем уровне Япония пытается снизить градус конфронтации и найти возможности для конструктивного взаимодействия с КНР.

Свой проект формирования системы регионального сотрудничества и безопасности будет стремиться продвигать Республика Корея. В русле провозглашенной администрацией Мун Чжэ Ина иерархии внешнеполитических целей, дипломатия страны в 2019 г. попытается поэтапно приступить к закладке фундамента «нового порядка» сначала на Корейском полуострове, а затем и в Северо-Восточной Азии. Южнокорейское руководство намерено не только привлечь зарубежных партнеров к модернизации северокорейской экономики и содействию развитию межкорейских отношений, но и добиться закрепления за СВА роли одного из важнейших узлов региональной интеграции и системы безопасности в АТР.

Страны АСЕАН, в свою очередь, будут продолжать дипломатические усилия в рамках модели «АСЕАН плюс...», т.е. взаимодействия с каждой из региональных держав в рамках отдельных соглашений. С другой стороны, члены организации будут продолжать использовать свои посреднические возможности на других переговорных площадках АТР, в том числе в формате многосторонних форматов.

Новым трендом, возникшим в 2018 г., становится организованное выступление ТНК и регионального бизнеса против угрозы роста протекционизма в АТР. Инициатива компании Bloomberg по проведению международного диалога в формате «Нового экономического форума (New Economic Forum)», поддержанная ведущими мировыми корпорациями, а также рядом влиятельных действующих и отставных политиков, имеет веские предпосылки стать авторитетной площадкой обсуждения вопросов развития регионального и глобального экономического взаимодействия.

Вероятность реанимации крупных региональных многосторонних конструкций в 2019 г. невелика. Ни АТЭС, ни новое соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП-11) своей деятельностью не смогут придать новый импульс интеграционным процессам в АТР.

Возможно, что Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство в 2019 г., наконец, сможет стать действующим международным институтом, что активизирует диалог между странами АТР по вопросам экономики, политики и безопасности. Вместе с тем без полноценного участия США его возможное воздействие на региональную экономику будет невелико.